

О СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ С ЮМОРОМ

Помнится, А. В. Дмитриев, — известный ученый-социолог, член-корр. РАН в своей книге «Социология юмора: Очерки», сказал: «Любопытно, что в нашей... социологической литературе отсутствует период, который можно было бы охарактеризовать как период шумливого оптимизма. Социологи обычно были унылыми людьми, методично вырабатывающими, как и большинство цивилизованных ученых, цинично серьезное отношение к жизни... И если бы не было случаев легкого помешательства у отдельных отечественных особей, жизнь была бы совсем скучной...»*. Эти шуточные слова были сказаны автором не о себе самом, а касались рассуждений об отечественной социологии в целом и деятельности ученых-социологов. Но у нас возникла прекрасная возможность порадоваться тому, что в нашей не «совсем скучной» жизни, благодаря еще одному случаю «легкого помешательства у отдельных отечественных особей», появилась новая книга А. В. Дмитриева**.

Примеры таких случаев «легкого помешательства» в зарубежной социологической публицистике и академических изданиях можно найти массу. Но вот в нашей отечественной социологической литературе работы, изучающие социологию юмора, можно буквально пересчитать по пальцам, и появляться они стали лишь в последнее время. Надо отдать должное — в последнее время о конкретных исследованиях в области социологии юмора рассказывается на страницах журнала «Социологические исследования». Но вот попыток создать глобальную теоретическую работу в этой области было всего несколько, и среди них рецензируемая книга.

В этой книге автор поставил перед собой задачу на основе обобщения различных исследований о роли юмора в политике показать: «...что нового и важного эти исследования могут внести в наши представления относительно проблемы эволюции человека как аристотелевского "политического животного"» (с. 4). Причем эта работа отличается от многих других созданных в общепринятом философском и эстетическом ключе. В ней делается попытка анализа общественной значимости и функциональности юмора и смеха, существующих на всех уровнях политического процесса. Но понятие «юмор» здесь рассматривается с социологической и политологической точки зрения. Особенность социологической интерпретации этого понятия, по словам А. В. Дмитриева, заключается в том, что «юмор — родовое понятие, включающее в себя то, что мы обычно называем сатирой, иронией, шуткой, пародией и т. д. Таким образом, если комическое — это качество определенных явлений жизни, то субъективное качество их восприятия — это и есть юмор» (с. 5). При этом социологи,

* Дмитриев А. В. Социология юмора: Очерки. М., 1996. С. 145.

** Дмитриев А. В. Социология политического юмора: Очерки. М.: «Российская политическая энциклопедия», 1998. 332 с., илл.

через анализ общественной значимости юмора и смеха, исследуют социальную реальность, изучают доминирующие ценности общества или особенности социализации индивида, а также многие другие особенности окружающей действительности.

Предложенная нашему вниманию книга содержит массу карикатур, цитат, шуток и рассказов, которые очень удачно иллюстрируют и комментируют различные аспекты политического юмора. Структурно работа состоит из серии очерков и приложения, которое на конкретных примерах раскрывает основные идеи книги. И первое, что привлекает внимание, когда знакомишься с содержанием работы, — это удачно подобранные ироничные эпиграфы к каждой главе, прочитав которые, без труда можно уловить ее основную мысль. Хотя волей автора разделы книги названы не главами, а весьма корректно — очерками. Как бы сразу претендуя всего лишь на общее изложение какого-либо вопроса.

Каждый из семи входящих в книгу очерков имеет свои разделы, систематически анализирующие основные функции, формы, приемы, субъекты и объекты политического юмора. Начинается работа с очерка, посвященного генезису политического юмора: от древности через средние века к советскому времени, где в краткой форме описывается классическое философское и литературное наследие. Здесь А. В. Дмитриев показывает, что социальная сущность смеха и юмора с древнейших времен свойственна только людям, хотя такой феномен, как смех, можно наблюдать и в животном мире. Автор, исходя из психологической точки зрения о том, что юмор — одна из форм скрытой и переключенной агрессии, предполагает, что происхождение смеха может быть прослежено из взаимодействия господства и подчинения. А это, по его мнению, лежит в основе политического юмора (с. 8). Между тем сам автор честно признает, что трудно точно определить время и место появления этого вида юмора. И предлагает вести его отсчет от комедий Аристофана (сер. 5 в. до н. э.), которые положили начало обсуждению острых общественных проблем в юмористической форме.

В средние века особенность политического юмора была связана со страхом перед разрушительной силой смеха и его угрозой священности власти. И поэтому он принял форму пародийного иносказания (травести) в виде карнавала, вносящего в серьезный порядок социальных и политических норм смех и веселье: «...Политика в этом случае воспринимается и как зрелище, и как игра» (с. 25). При этом Дмитриев проводит аналогии с нашим временем и утверждает, что в наши дни также сохранилось отношение к политикам и политическим процессам, как к участникам веселой игры. Ярким примером этого служит политическая деятельность В. В. Жириновского: дар карнавальной травести политической культуры которого становится в его жизни главной общественной функцией. Между тем, и здесь нельзя не согласиться с автором, в политический процесс средневековья кроме карнавала вмешивались анекдот, фарс и политический «животный» эпос. Но, к сожалению, упоминая о них, автор не приводит конкретных примеров этих видов юмора и не дает их социологической интерпретации, которая могла бы еще раз продемонстрировать социальные особенности средневекового политического юмора.

Обобщая исследования политического юмора советского периода, Дмитриев отмечает его сатиричность и направленность на врагов социализма, кото-

рую можно наблюдать в произведениях В. В. Маяковского, Д. Бедного. Позже в юмористических формах этого времени начинает отражаться нарастание протеста в обществе, проявляющееся в иронии и сатире самых ранних диссидентских произведений, — например, в так называемом «черном юморе» А. И. Солженицына. А также в фольклоре, как в своеобразном стустке «общественного мнения» 1960-х гг., возникающем в виде шуточного утрирования высказываний советских руководителей; расшифровке официальных аббревиатур; в различных частушках или анекдотах из серии армянского радио, — рассказываемых при кухонных разговорах с друзьями (с. 40–41). Но автор также справедливо отмечает, что ошибочно сводить тогдашний юмор только к фольклору, потому что, несмотря на контроль, существовали профессиональные фельетоны и карикатуры. Основываясь на всех этих моментах, Дмитриев предоставляет возможность проследить процесс образования и становления политического юмора.

Во втором очерке автор более подробно уделяет внимание типологии форм и средств юмора. Показывая, каким образом такие формы юмора как анекдот, частушка, эпиграмма, политическая карикатура и т. п. используются в качестве политического средства. Среди этих форм весьма любопытна выделенная Дмитриевым мизантропия (с. 93–96). Этот жанр, в основном, активно используется журналистикой в американских и западноевропейских изданиях. И лишь в последнее время на страницах нашей прессы стали появляться рубрики, высмеивающие политику и политические интриги в острой и ироничной форме. Благодаря этой форме политического юмора, быстро реагирующей на политическую новость и показывающей всю нелепость ситуации, политические события воспринимаются безболезненно и смешно. Поэтому привлекает попытка автора познакомить читателя с этой формой политического юмора и проанализировать это новое явление в обществе с социологической точки зрения. Можно отметить некоторое упущение данного очерка — отсутствие поговорок, скороговорок и поговорок среди выделяемых и анализируемых форм юмора. Ведь в этих лаконичных источниках народной мудрости тоже зачастую содержится тонкая политическая ирония или какой-либо другой элемент юмора*.

Далее в третьем очерке, для более подробного анализа политического юмора, А. В. Дмитриев определяет объекты и субъекты юмора. Отмечая то, что процесс и результат юмора социально и политически подготовлены и исторически обусловлены господствующей культурой, автор приходит к выводу: «...сама структура субъекта, таким образом, может отображаться конкретным физическим осязаемым лицом, группой лиц, а также совокупностью идей и культурных моделей. В рамках последних можно обнаружить специфический юмор управленцев, политиков, высших и прочих представителей "Я" в общественном знании» (с. 126). В свою очередь, объект юмора может быть совершенно различен: «народ, учение, утопия, сама политика» (с. 140) и многое другое. Учитывая право автора на выбор интересующей его темы, все же отметим, что в этом очерке есть раздел, посвященный социологическим опросам, напоминающий разговор о наболевшем и оправдание деятельности социологов. Хотя эта

* Например: «Закон, что дышло — куда повернёшь, туда и вышло»; «Смелого ищи в тюрьме, а глупого в полах».

часть очерка любопытна и весьма интересна, но слабо связана с принадлежностью к субъектам и объектам политического юмора как такового и напоминает общие рассуждения о роли социологов, изучаемого ими населения и политиков, без каких-либо конкретных выводов.

Остальные очерки книги в сюжетном отношении более четко раскрывают социологическую сущность политического юмора и связаны с выявлением его социальных функций. Функция политической социализации, на основе работ различных исследователей, рассматривается автором через черный юмор, детский политический анекдот (с. 147–173). При этом, если учитывать помещенный в самом начале книги эпиграф (слова У. Мизнера о разнице между плагиатом и настоящим исследованием), трудно обвинить автора, за выводы о роли детского политического юмора, в компиляции, хотя эти выводы полностью дублируют рассуждения В. П. Степаненко о роли этнокультурных образов в киевском анекдоте* (он ссылается на них). Далее рассматривается функция идентификации, дифференциации и сплоченности, которую можно проследить в этнических шутках, «еврейском» юморе, в насмешках над диалектами или общественно-политической терминологией, а также, по мнению А. В. Дмитриева, — в женском юморе (с. 174–203). Еще одна функция, рассматриваемая в работе — функция коммуникации. Она связывается с использованием юмора в официальных высказываниях, инвективах российских политиков и в различных слухах (с. 204–258).

Завершается эта работа очерком о функции конфликта и согласия в политическом юморе. В данном очерке этот аспект анализируется с привлечением теории З. Фрейда, рассматривающего юмор в качестве защитного механизма, транзактного психоанализа Э. Берна, философских работ Н. Монахова, А. Ахизер и Л. Карасева, где смех рассматривается как своеобразный биологический регулятор, как определенный символ или как противопоставление серьезности, теории К. Лоренца и А. Кестлера — смех связывается с агрессией и эмпирического исследования С. Уайта и Э. Уинзельберга, подтвердившего ряд психологических особенностей смеха (с. 259–296). Объяснение этих сугубо психологических и философских выводов дается через социологическую интерпретацию.

В заключении А. В. Дмитриев удачно резюмирует все анализируемые в книге основные общественно-политические функции политического юмора и роль юмора на всех уровнях политического процесса.

Приятно, что, читая книгу, получаешь удовольствие не от сурового теоретического трактата о роли юмора в политике, а узнаешь о серьезных вещах, изложенных в легкой ироничной форме, которую удачно использует А. В. Дмитриев, приправляя ее множеством веселых карикатур и различных цитат. И когда перелистываешь последнюю страницу этой книги, понимаешь, что данное исследование можно продолжать и продолжать, изучая различные аспекты этого явления. Поэтому стоит признать, что, помимо заострения нашего внимания на особенностях социологического взгляда на политический юмор, автору удалось поговорить о социологии политики с юмором и представить эту тему как проблемную и заслуживающую научного анализа.

* Подробно см.: Степаненко В. П. «Поспорили как-то американец, француз и русский» // Философская и социологическая мысль. 1993. № 9–10. С. 227–246.